

ИЗОЛЬДА АЛМАЗОВА

Аминазиновые сны, или В поисках смерти

18+

Изольда Алмазова

**Аминазиновы́е сны,
или В поисках смерти**

«Автор»

2019

Алмазова И.

Аминазиновые сны, или В поисках смерти / И. Алмазова —
«Автор», 2019

Я долго размышляла над тем, в каком жанре писать свой новый роман. Что это будет: комедия, трагедия или фарс? Однако для женщин, оказавшихся на койке современной психиатрической больницы, жизнь в целом представлялась настоящей драмой. Все они, красивые и не очень, умные и не блестящие интеллектом, осознанно или бессознательно выбрали дорогу к смерти, а не к жизни. Все истории и персонажи выдуманы и любые совпадения случайны.

© Алмазова И., 2019

© Автор, 2019

От автора:

Я долго размышляла над тем, в каком жанре писать свой новый роман. Что это будет: комедия, трагедия или фарс? Однако для женщин, оказавшихся на койке современной психиатрической больницы, жизнь в целом представлялась настоящей драмой. Все они, красивые и не очень, умные и не блещущие интеллектом, осознанно или бессознательно выбрали дорогу к смерти, а не к жизни. Встав на путь саморазрушения, они шли по стезе, наполненной непрощенными обидами, страхами, неприятия окружающей их действительности и отрицания ответственности за свои слова и действия. Они испытывали чувство вины за свои поступки, но в большей степени обитательницы палаты № 7 винили в своих бедах и неудачах других. Так было проще преодолевать преграды и каверзы, которые подбрасывала им сумасбродная и неумолимая Судьба.

Все истории и персонажи выдуманы и любые совпадения случайны.

**«Привет, о скорбная обитель
Я твой унылый посетитель».**
Александр Козлов

Часть Первая.

Где находится та грань, переступив которую ты приходишь в другой мир, полный страдания и боли? Где та черта, за которой ты позволяешь себе роскошь поступить так, как не поступила бы в прошлой, казалось, счастливой жизни?

За этой чертой все очень размыто, нечетко и не поддается объяснению. Ничто уже не контролируется тобой: ни время, ни события, ни люди, ни ты сама. А еще нет дня недели и его числа, нет компьютера и интернета, нет смартфона и связи с внешним миром, нет сообщений и новостей из мира, стремительно шагающего вперед. Движение жизни остановилось в одной точке. До и после. Но есть ручка и блокнот и женщины седьмой палаты: алкоголички, наркоманки, суицидницы и шизофренички.

Они могут рассказывать о себе бесконечно, лишь бы нашелся внимательный слушатель. Их рассказы удивительно похожи и концовки легко предсказуемы. Они, кажется, испытали все: разочарования, боль, страх, ненависть к себе и окружающим их людям. Чтобы ничего не чувствовать, многие выбрали алкоголь – единственно верный и дешевый путь в небытие. Это было постепенное скольжение вниз – в бездну забвения, равнодушия и апатии. А еще потери контроля за своей жизнью и чувства собственного достоинства. Ощущение реальности теряется очень быстро и найти точку опоры хоть в чем-нибудь или ком-нибудь становится все сложнее. Эти безуспешные попытки приводят к созданию параллельных реальностей, которые не имеют ничего общего с настоящей жизнью. Эти другие миры поглощают, изменяют сознание, а потом и всю жизнь. Создаваемые ложные реальности надуваются как мыльные пузыри, которые играют разными красками: поначалу розовыми или голубыми, а потом грязно-серыми или черными. И потом видится только один выход – смерть. Смерть как избавление от мук и страданий, от бессмысленного существования и своей презренной жизни.

Кто-то скажет, что умирать страшно. Это ложь. Умирать легко.

Глава 1.

В городе N все было тихо и спокойно, словно в гробу, как и полагается в стране с авторитарным режимом.

Зима в этом году пришла вовремя. Легкий морозец, высокие искрящиеся на солнце сугробы, длинные хрустальные сосульки, свисающие с крыш домов. Правда днем, под зимним

жадным на тепло солнцем, они начинали плакать крупными медленными каплями. Но за ночь вырастали вновь, чтобы на следующий день опять залиться слезами.

В преддверии зимы и в самом ее начале город застилался густыми туманами, которые вызвали у многих горожан, в том числе и у Кристины Лаврентьевой, чувство безмерной тоски и глухой печали. В такие туманные дни от утра и до самой ночи Кристину не покидала необъяснимая тревога и дурные предчувствия. Но на самом деле для волнений не было никаких причин. На работе все было норм, родители благополучно отдыхали в Чехии, отношения с Владом наладились. После последней ссоры она отходила долго, но все же простила мужа, потому что любила так сильно, что не представляла своей жизни без него. Была и еще одна причина простить – долгожданная беременность. Новой жизни, зародившейся в ней, было уже два месяца. Ее счастью не было предела. Однако муж повел себя как-то странно и неестественно для молодого мужчины, который не так давно женился и надеялся на рождение первого сына. Лаврентьев не выказал ни радости, ни восторга по поводу скорого прибавления в их маленькой семье. Он просто сдержанно сказал: «Хорошо. Вырастим», и вновь уткнулся в компьютер отслеживать график роста или падения курса какого-то мифического биткоина.

Сегодня Кристина решила прогуляться по зимнему городу, чтобы не докучать мужу, а заодно и присмотреть ему и родителям подарки к Новому году. Накинув на плечи легкий норковый полушубок, девушка громко прокричала:

– Я в магазин. Скоро вернусь!

Но ответа не последовало. Кристина грустно улыбнулась и вышла из квартиры.

Погода на улице была чудесной. Звонящее, высокое и ясное небо. Солнце. И очень красивые деревья в мохнатом инее. Лаврентьева задышала полной грудью, натянула на голову капюшон и неторопливо зашагала к ближайшему супермаркету. В магазине толчея была невообразимая. До наступления нового года оставалось всего два дня и люди как сумасшедшие закупали все подряд: фрукты, колбасы, невероятное количество ведер с майонезом, банок с горошком и сладкой кукурузой. Словно поддавшись этому предпраздничному безумству, Кристина начала заполнять и свою корзинку, складывая в нее даже то, что совершенно не собиралась покупать. Когда корзинка изрядно потяжелела, девушка направилась к кассе и, отстояв в очереди добрых полчаса, наконец выбралась на воздух. Уже более быстрым шагом она пошла домой, решив, что перегрузит продукты в холодильник и выйдет из дому еще раз, чтобы купить подарки по списку, который составила дней десять тому назад.

Оказавшись в квартире, Кристина скинула высокие замшевые сапоги на низком ходу и, как была в шубке, потопала в кухню. Быстро забросила продукты в холодильник и направилась в гостиную. Но к своему удивлению, мужа там не застала. Только на журнальном столике белел клочок бумаги, на котором почерком Влада было написано: «Вызвали срочно в офис. Буду вечером». Кристина расстроено вздохнула: «Ну вот! Опять эта проклятая работа! Не дают бедному Владу ни дня отдыха. И какая-то такая работа может быть в выходной? Непонятно».

Недовольство мужем и его работой прервал телефонный звонок:

– Доченька, – пробасил в трубку отец, – мы возвращаемся второго. Пока мы с мамой поздравляем вас с Владом с наступающим и желаем весело провести время.

– Спасибо, папочка. У вас там все хорошо?

– Не просто хорошо, а отлично! Отдых здесь потрясающий. А новогодняя ночь обещает быть волшебной. Наш столик в ресторане расположен прямо у эстрады, и мы с мамой будем хорошо видеть представление какого-то современного пражского балета. А в полночь мы выйдем на улицу с шампанским и под праздничный фейерверк встретим Новый год.

– Круто, – с завистью в голосе проговорила Кристина.

– Что такая грустная, доченька? – заботливо поинтересовался отец. – Ты в порядке?

– В полном, – односложно ответила девушка и добавила: – Как бы я хотела быть там с вами, папочка.

– Ну, детка, ты же в положении. Тебе пока нежелательно делать такие длинные переезды. Это очень утомительно для тебя и моего внука, – категорично заявил Юрий Игоревич.

– Да, я понимаю.

– Не грусти, дорогая. У нас еще будет время попутешествовать вместе.

– Да, – вынужденно согласилась Кристина.

– Ну все. Нам пора. Целуем тебя, доченька.

– И я, – пробормотала девушка, услышав в трубке короткие гудки.

Кристина рассеянно побродила по квартире и решила сделать кое-какие заготовки к праздничному столу. Можно, например, сварить яйца, настрогать оливье, потушить мясо для жаркого. Вообще-то работы море. Не мешало бы и сделать уборку, последнюю в этом году. Завтра они с Владом поставят елку, вместе накроют на стол и отметят праздник.

За домашними хлопотами Кристина не заметила, как наступил вечер. Около девяти позвонил муж:

– Ты только не расстраивайся, милая, но мы с директором срочно выезжаем в командировку к своим поставщикам. Надо партию компов забрать. Если завтра не заберем, то потеряем в цене. Они подорожают с нового года.

– Но завтра же тридцать первое, – недовольно пробурчала в трубку Кристина. – Какая командировка? Какие компьютеры?

– Крис, работа есть работа, – торопливо проговорил Влад. – Все. Пока. Мы с Михалычем уже выезжаем. Буду завтра в районе двух. Не скучай.

Глава 2.

Тридцать первого декабря, как и всегда, жители города N встречали Новый год. На самом деле сердца многих из них были наполнены притворной радостью. Эти люди веселились словно по инерции или просто потому, что Новый год принято праздновать, что бы не происходило в их жизни. В глубине души они были уверены, что наступающий новый год не принесет им ничего из того, о чем они мечтают: ни много денег, ни лучшей работы, ни новых перемен, ни истинного счастья.

А Кристина, до которой в этот день никому не было никакого дела, в полном одиночестве стояла у окна квартиры дома №5 по Ленинскому проспекту. Окно просторной гостиной, заставленной дорогой итальянской мебелью, выходило как раз на центральную площадь города.

В самом центре площади напротив памятника вождю мирового пролетариата возвышалась нарядная елка, сверкающая и переливающаяся множеством цветных огней. По периметру площадь была оцеплена строгими и неприступными омонцовцами. Чтобы оказаться у елки нужно было пройти через рамку металлоискателя. Люди покорно выворачивали карманы и открывали свои пакеты, демонстрируя пластиковые бутылки с пивом. Шампанское в стеклянных бутылках проносить было запрещено.

На площади было многолюдно и шумно. Сначала Кристина решила присоединиться к толпе, но потом передумала. Одной толкаться среди людей было как-то стыдно и не очень удобно.

Время стремительно приближалось к полуночи. Девушка отошла от окна и устроилась на кожаном диване перед празднично накрытым столом. Без пяти двенадцать она с трудом открыла бутылку шампанского, наполнила доверху хрустальный бокал на высокой ножке и под бой курантов осушила его до дна. Потом пару разковырнула вилкой салат из крабовых палочек и тяжело поднялась. Она выключила телевизор и стягивая на ходу свое самое нарядное платье, побрела в их с Владом комнату, который уехал в командировку и почему-то забыл вернуться к двум часам как обещал.

Лаврентьева расстелила постель и улеглась, укутавшись теплым пуховым одеялом. С улицы доносились приглушенные голоса уже изрядно поддатых горожан и хлопки фейерверков китайского производства. Но вся эта праздничная суета совершенно не волновала девушку. Она старательно пробовала уснуть, но тяжелые мысли, словно огромные валуны, ворочались в голове не давая забыться.

Около четырех, Кристина решительно поднялась с постели и направилась в комнату родителей. Там она отыскала аптечку матери и принялась перебирать таблетки. Удовлетворенно выдохнув, она зажала в кулаке искомое и вернулась в гостиную. Сев за стол, Лаврентьева наполнила фужер шампанским и принялась глотать одну таблетку за другой, запивая уже не искристым кислым вином. Затем совершенно спокойно отнесла бутылку в мусорное ведро, туда же отправила и пустую упаковку от снотворного. Оглядевшись по сторонам, решительно открыла ящик навесного шкафчика, выудила блокнот с рецептами любимых блюд и ручку. Она вырвала из блокнота чистый листок и быстро черкнула: «Все! Больше не могу!», потом злорадно улыбнулась и подумала: «Как он со мной, так и я с ним». После совершенных манипуляций Кристина почувствовала необыкновенное облегчение и, еще раз оглядевшись, неторопливо потопала в спальню. Она опять улеглась на кровать и закрыла глаза.

К своему большому удивлению утром Кристина проснулась живой и здоровой, но со слегка затуманенным мозгом и штормом в животе. Едва поднявшись с постели, она поняла, что на слабых и подгибающихся ногах вполне может передвигаться по квартире. В голове зашевелились простые и очень ясные мысли: «До кухни можно добраться, держась рукой за стену. Потом надо поставить на плиту чайник и выпить чаю или кофе. Лучше кофе и крепкий, чтобы как-то прожить этот день».

Неторопливо попивая кофе, Лаврентьева решила повторить попытку убить себя этой ночью. Благо в аптечке матери всяких таблеток было предостаточно. Та вечно на что-то жаловалась и скупала без разбору все выписываемые ей дорожные лекарства.

Весь день девушка провела в постели, вставая лишь в туалет и на легкий перекус. А вечером, часов в девять, она выпила еще какого-то снотворного с трудно читаемым названием. В аннотации к препарату было написано, что передоз этих таблеток чреват летальным исходом. Этого-то она сейчас и хотела больше всего на свете.

Но увы. Попытка номер два тоже не увенчалась успехом. На следующее утро Кристина проснулась вновь.

«Почему? Что я сделала не так?» – сразу же задала себе вопросы Лаврентьева. В течение всего дня она искала на них ответы с какой-то странной, даже маниакальной одержимостью. Эти вопросы не оставляли ее ни утром, когда она собирала со стола посуду и выбрасывала в мусорное ведро приготовленную ею уже обветренную и никому не нужную еду. Ни тогда, когда она перемывала в квартире полы к приезду родителей. И ни тогда, когда лежала в горячей ванне, отмоякая после уборки. Ответов не было.

Около десяти вечера в квартиру ввалились счастливые, радостные, но немного уставшие родители. Отец тащил дорожные сумки, а мать пакеты с подарками. Они шумно поздоровались с дочерью, вручили подарки и отправились к себе разбирать вещи. Кристина же с пакетами пошла в свою комнату. Она бросила их на кровать и присела, обхватив голову руками. В этот момент в комнату заглянула мать и затараторила в обычной для себя манере:

– Что ты сидишь, глупая! Разворачивай пакеты! Где Владик? На работе? Так поздно? Мы с папой так чудесно отдохнули! Завтра расскажем. Очень устали. Сейчас помоемся и на боковую.

– Ладно. Завтра так завтра, – равнодушно согласилась Кристина. Она неторопливо откинула одеяло и, как была в одежде, легла на бок свернувшись калачиком.

Когда родители угомонились, и в квартире повисла мертвая тишина, Лаврентьева медленно поднялась и босыми ногами пошлёпала в кухню. Там она неторопливо открыла все газо-

вые конфорки и улеглась на пол рядом с плитой, подложив руку под голову. Лежать на полу было холодно и твердо. Но для Кристины это уже никакого значения не имело. Было важно одно – не проснуться завтра.

Глава 3.

Кристина Лаврентьева точно не смогла бы сказать в какой именно день она попала в психиатрическую больницу города N и сколько здесь находится. Но то, что она убивала себя ровно три дня – это она помнила хорошо и это ей не приснилось. Это было правдой на все сто процентов. В те моменты, когда она могла думать, то спрашивала себя: почему все три попытки оказались неудачными? Почему бог не забрал ее к себе? Почему она здесь, а не в том светлом мире, где тишина, покой и невесомость? Почему так долго длились ее муки? Наверное, отвечала она себе, ей еще необходимо в этом мире что-то сделать и это что-то и держит ее здесь. Но вот что именно?

Лаврентьева с трудом могла припомнить, как впервые вошла в восьмое, самое легкое отделение психушки. Она помнила лишь свои ощущения. Ей было холодно, страшно и очень одиноко. При приеме в больницу ее заставили встать под душ и хорошенько вымыться, поэтому длинные вьющиеся волосы были мокрыми и напоминали сосульки. Красивый маникюр был нещадно изуродован безжалостной санитаркой. Абсолютно тупые ножницы стригли ногти больно и так коротко, что стали выпирать подушечки пальцев. Там же ей выдали старую ночнушку с болтающимися по подолу нитками разной длины, байковый халат не по размеру и резиновые тапки, весьма смахивающие на пляжные сланцы. Лифчик забрали, но слава богу, трусы оставили свои.

А потом ее повели в отделение, какими-то извилистыми коридорами. При переходе из одного коридора в другой, сопровождающая Кристину медсестра открывала двери специальным ключом, строгим голосом командуя ей стоять смирно. Вот, наконец, они добрались и до нужного отделения. Переступив его порог, девушка поразилась чистоте, царившей там. Было видно, что совсем недавно здесь был сделан вполне приличный евроремонт. Стены, выкрашенные в зеленый мягкий цвет, успокаивали, а большие окна, выходящие во двор больницы, занавешенные короткими шторами из цветной органзы, украшали помещение и делали его даже нарядным. В торце длинного коридора стоял офисный шкаф с большим телевизором отечественного производства, а по центру у окон расположился мягкий диван из рыжеватого кожзаменителя. Рядом с ним стояло и несколько банкеток такой же расцветки. Проходя мимо палат, Кристина краем глаза заметила, что и они отремонтированы, только стены в палатах имели разные цвета: розовый, голубой, сиреневый.

По коридору быстро вышагивали или медленно передвигались, едва переставляя ноги, пациентки отделения. У многих из них лица совершенно ничего не выражали, но были и такие, которые имели вполне осмысленный взгляд. Трое умалишенных сидели на диване и с любопытством рассматривали вновь прибывшую. Женщины тихо зашущукались, прикрывая ладошками рты.

– Интересно, суицидница или подвешенная?

– Не-а... скорее алкоголичка или даже шизофреничка.

– Нет, на алкоголичку или шизу не похожа.

– Тогда суицидница, – твердо вынесла вердикт одна из женщин и тихо хихикнула.

Эту коротенькую беседу, Кристина услышала, поравнявшись с любопытной троицей. Пройдя мимо женщин, она почувствовала, как своими взглядами те буравят ее спину. Казалось, еще чуть-чуть и на халате задымятся дырки. «Кретинки», – беззлобно подумала Лаврентьева и немного ускорила шаг.

– Так, стой здесь, – притормозив у первого сестринского поста, приказала сопровождающая Кристине.

Девушка остановилась. Она молча наблюдала, как сестра вошла в кабинет медперсонала и доложила:

- К нам новенькая. Суицидница. Привезли из городской больницы, из реанимации.
- Ясно, – коротко отозвалась старшая медсестра, симпатичная женщина лет сорока.

Спустя пять минут в коридор была вынесена железная кровать и сестра-хозяйка застелила свежее постельное белье. Та же симпатичная женщина, равнодушно глядя на Кристину, сказала:

- Ложись пока здесь. Сейчас вынесут и тумбочку для твоих вещей.
- Но у меня ничего с собой нет.
- Вот и хорошо. Проблем будет меньше. Я сейчас позвоню в кабинет врачей и тебя вызовут. Поняла?

Кристина кивнула.

- Хорошо. Ложись.

И в ожидании своей участи девушка покорно легла на кровать.

Глава 4.

Около сорока минут Кристина лежала и бездумно пялилась в потолок. Правда Лаврентьева испытывала раздражение от того, что рядом с ее кроватью больные тетki, шаркая своими тапками по линолеуму, непрерывно сновали туда-сюда. Некоторые ненормальные пытались завести разговор, но Кристина отмалчивалась. Она не обратила внимания и на дежурную медсестру, которая громко процокав высокими каблуками, остановилась у ее кровати. Эта женщина почему-то сразу не понравилась Кристине. Взгляд медсестры был каким-то колючим и очень злым.

- Лаврентьева, вставай! Врач уже ждет тебя.

Девушка присела на кровати, засунула босые ноги в резиновые тапки, неохотно выпрямилась и побрела за сестрой. Они приблизились к той же двери, в которую ранее Кристина вошла в отделение. Открыв дверь ключом, сестра пропустила Лаврентьеву вперед, а потом подтолкнула к первой двери слева. Медсестра тихо постучала и услышав: «Войдите!», вновь пропустила девушку вперед. Лаврентьева робко вошла в довольно просторный кабинет, где за письменными столами сидели четыре женщины. Самая старшая из них, милостивая блондинка в очках, мельком взглянула на новую пациентку и снова уткнулась в бумаги, лежащие перед ней.

- Садитесь, пожалуйста, в это кресло, – мягко произнесла шатенка с длинными волосами, забранными резинкой в высокий хвост.

Кристина примостилась на край кресла и уставилась на врача, которая доброжелательно улыбалась ей.

- Меня зовут Ирина Федоровна, и я ваш лечащий врач.

Девушка понимающе кивнула, а Ирина Федоровна так же мягко продолжила:

- Вы знаете где вы?

- Да. Я в дурке.

– Не в дурке, а в психиатрической больнице, – поправила Кристину шатенка. – Знаете почему вы здесь?

- Нет. Не знаю. Я думаю, что меня сюда привезли по ошибке. И я хочу домой.

- А вы помните откуда вас привезли сюда?

- Да. Я была в городской больнице. Кажется, я там лежала с отравлением.

- А что еще, Кристина, вы помните?

– Помню, что хотела убить себя, – равнодушно ответила девушка, но в ее голосе уже слышались нотки раздражения. Она помолчала, а потом решительно добавила: – А еще я знаю, что фокус не удался, раз я сижу перед вами.

Женщина в очках вновь подняла голову и переглянулась с двумя другими врачами, которые внимательно слушали беседу новой пациентки и Ирины Федоровны.

– Да, по счастью, не удался, – подтвердила лечащий врач. – Но... Но при этом, Кристина, вы чуть не убили своих родителей, которые в это время тоже находились в квартире. Вас всех спас ваш муж. Он приехал домой вовремя.

– Правда? Влад вернулся? – слегка встрепелась Лаврентьева.

– Да, – кивнула головой Ирина Федоровна и продолжила: – Вы какое-то время пробыли в реанимации. По счастливому стечению обстоятельств вашим родителям повезло больше. Их выписали через несколько дней. Вы же в больнице провели две недели.

– А почему это мне повезло меньше, чем им? О чем вы говорите? – мрачно спросила девушка и почувствовала, как внутри нее зарождается тревога.

– О вашем ребенке, – Ирина Федоровна не изменилась в лице и не поменяла своего доброжелательного тона.

– А что с ним? – Кристина приложила руку к животу и с нарастающим волнением переспросила: – Что с ним?

– В больнице вам сделали аборт. На этом настоял ваш отец. Да и врачи беспокоились о плоде. Они посчитали это правильным решением, – пояснила Ирина Федоровна.

– Но я этого не помню! Этого не может быть! Как? Зачем? – вскричала Кристина и заплакала, закрыв бледное лицо ладонями.

– Успокойтесь, пожалуйста, – немного повысила голос врач. – Все волновались за ваше здоровье и здоровье будущего ребенка. Сроки еще позволяли сделать вам аборт. И когда поправитесь, вы еще сможете иметь ребенка.

– Как они посмели, сволочи! – громко прокричала Кристина, сотрясаясь от рыданий.

– Не мне об этом судить, – в голосе врача не было ни жалости, ни сострадания, но она говорила так же мягко и бархатно. – Мое дело помочь вам поправиться и сделать так, чтобы в будущем вы больше не совершали подобных действий. Итак, Кристина, расскажите мне о себе, о своем детстве, о своей семье и о том, почему вы решились расстаться с жизнью.

Кристина опустила руки и с ненавистью посмотрела на Ирину Федоровну.

– Я ничего не хочу рассказывать! Я ничего не должна рассказывать! Я теперь вообще никому ничего не должна!

– Хорошо, – почти равнодушно согласилась психиатр. – Не хотите говорить сейчас – не надо. Поговорим в другой раз.

– Это вряд ли, – ответила девушка и с такой же неприязнью в глазах оглядела врачей, которые по-прежнему не спускали с нее внимательных взглядов.

А Ирина Федоровна нажала кнопку под столешницей и на пороге кабинета сразу же возникла та же худая и сердитая медсестра. Когда Кристина вышла в коридор, старшая из врачей тихо распорядилась:

– Сегодня пусть полежит в коридоре, а завтра с самого утра переведите ее в шестую палату. Там сегодня освободится место.

– Поняла, – кивнула медсестра и, притворив дверь кабинета, приблизилась к Кристине. Она взяла девушку под локоть: – Идем со мной.

Уже знакомым Кристине путем, они вернулись в отделение. Едва волоча ноги, Лаврентьева приблизилась к своей кровати, рядом с которой уже стояла тумбочка. Она устало опустилась на жесткий матрас, а потом улеглась, повернувшись лицом к стене. Надо было как-то пережить потерю ребенка и предательство родителей. Кристина жаждала отдаться своему горю целиком и подумать, что со всем этим делать дальше.

Незаметно Лаврентьева уснула. Новую пациентку восьмого отделения никто не беспокоил, и она проспала до обеда. А в час дня в коридоре раздался громкий крик дежурной медсестры:

– Все на обед! Быстро выходим из палат! Шевелитесь!

Кристина проснулась и сразу поняла, что ее короткое уединение закончилось. Но встать с постели почему-то не хотелось. Да и было страшно оказаться рядом с сумасшедшими бабами, которые выходили из палат и обреченно, как овцы на заклание, тянулись в сторону столовой.

– Лаврентьева, тебя это тоже касается! – взвизгнула сестра. – Тебе что, особое приглашение надо? Отрывай свою задницу от матраса, аккуратно застели постель и двигай в столовую.

Кристина неохотно поднялась и уставилась на ярко раскрашенную блондинку с отросшими корнями, которая стояла рядом и контролировала каждое движение девушки.

– Что уставилась, как Ленин на буржуазию? – выдала познания в советской истории сестра и добавила: – Я не картина, чтобы меня рассматривать. Идем, покажу где столовая.

Идти далеко не пришлось. Женщины свернули в боковой коридор и подошли к открытой двери, возле которой безмолвно толпилась больные.

– Чего встали, куры? Проходите и рассаживайтесь по своим местам! – приказала сестра и повернулась к Лаврентьевой. – Сядешь на свободное место. Поняла?

– Да.

Женщины гуськом потянулись в столовую. Последней туда вошла Кристина и остановилась у порога. Больные неторопливо усаживалась на деревянные скамейки, стоящие у столов, составленных буквой «Г». Слева от двери стоял еще один небольшой стол, который сейчас был пуст.

Свободных мест у основного стола не оказалось и Лаврентьева нерешительно топталась у входа, не зная куда ей примоститься.

– Садись пока за маленький стол, – пришла на помощь та же неприятная сестра.

Кристина подчинилась и уселась на самом краю скамьи. Теперь она попыталась рассмотреть психичек, с которыми ей придется сосуществовать какое-то время. Это были женщины разных возрастов и пока никто из них не казался Кристине страшной или неадекватной. Это немного успокаивало и внушало надежду, что здесь не все так и ужасно. Ну больные, ну попали сюда почему-то. Но их же лечат. Никто не бунит, не орет, не бьется в истерике и не бузит. Все спокойно, почти равнодушно, ожидают раздачи еды, тупо уставившись в столешницу.

Кристина облегченно выдохнула и провела глазами по столовой. Она заметила, что в торце столовой находится буфет-раздаточная. Рядом с ее столом примостился шкаф с какой-то одеждой и чистыми полотенцами. Прямо у входа висел умывальник. А по обеим сторонам раздаточной стояли столы, покрытые нержавеющей сталью.

Пока девушка рассматривала скудный интерьер столовой, в проеме двери появилась полная санитарка-буфетчица.

– А вот и мы, – весело выдала она, согнувшись под тяжестью контейнеров с едой.

Следом за буфетчицей в столовую вошли несколько женщин, явно пациенток отделения, которые тоже тащили тяжелые контейнеры и пакеты. Все были в чистых белых халатах и медицинских шапочках-беретах из спанбонда. Женщины отнесли контейнеры в раздаточную и начали снимать халаты и шапочки.

– Складывайте аккуратно, – глухо приказала одна из больных, особа неопределенного возраста. Ее странная фигура и манера двигаться заставили Кристину думать, что с этой женщиной явно что-то не так. Она была плоской как доска и фигура напоминала больше мужскую, чем женскую. Широкие плечи, узкий таз и короткая стрижка указывали на то, что природа явно подшутила над бедной женщиной.

Помощницы буфетчицы что-то проворчали в ответ, но приказание странной пациентки выполнили. Та же, собрав халаты и шапочки, сложила их в шкаф. Потом подошла к умывальнику и принялась тщательно мыть руки, странно раскачиваясь взад и вперед.

После выполненной работы, женщины усаживаясь за маленьким столом. Они, совершенно не стесняясь, откровенно и с большим интересом рассматривали Кристину.

– Новенькая? – то ли спросила, то ли констатировала факт странная мужеподобная тетка, которая, перекидывая ногу через скамейку, пыталась усесться рядом с Кристиной.

– Да, новенькая, – с опаской подтвердила Лаврентьева.

– Резаная, подвешенная или отравленная? – со знанием дела продолжила допрос больная.

– А тебе-то знать зачем? – с вызовом вопросом на вопрос отозвалась Кристина.

– Да мне-то все равно, – прогундосила помощница буфетчицы и замолчала, потому что к столу приблизилась худая медсестра. Она поставила в центр стола ведро с ложками и подзрительно оглядела притихших женщин. Больные быстро разобрали ложки и положили на стол. Следом буфетчица начала раздавать каждой больной по куску батона и черного хлеба. Многие психички почему-то просили горбушки, на что буфетчица беззлобно ворчала:

– Да сколько мне надо иметь горбушек? В батоне их только две. Где я вам напасусь столько?

Но все же буфетчица выдавала горбушки всем желающим, укладывая хлеб рядом с ложками прямо на стол. Спустя минут пять ей на помощь из отделения пришли еще две санитарки. А следом за ними вошла и вторая медсестра, яркая высокая блондинка, которая поразила Кристину короткой длиной белоснежного халата и высокими каблуками дорогих итальянских туфель. Сестры и санитарки начали разносить на подносах еду. Это было какое-то варево, разлитое в железные миски. На первое сегодня больным полагалось что-то напоминающее рассольник. Кристина поводила ложкой по странному супу и брезгливо отодвинула миску. Даже запах супа вызывал у нее отвращение.

– Ты чего? – удивилась мужеподобная. – Надо есть...

– Это есть нельзя, – капризно скривила губы Кристина.

– Ну, милая, тут тебе не дом, а больница, психушка. И отказываться от еды глупо, – не глядя на Лаврентьеву поморщилась помощница буфетчицы.

– Если не хочешь, тогда отдай мне, – попросила женщина с тусклым взглядом, сидящая напротив Кристины. – Я съем с удовольствием. До ужина еще далеко.

– Бери, не жалко.

Тетка придвинула тарелку к себе и принялась есть с невероятной жадностью и быстротой.

На второе подавали пюре с рыбой. «Здесь пюре, наверное, грамм двести» – подумала девушка и отправила ложку с картофелем в рот. Пюре оказалось малосоленным, а маленький кусочек рыбы был безвкусным и каким-то мокрым. Вместе с тем Лаврентьева обратила внимание на то, что многие пациентки отделения солят еду весьма щедро. «Как они это едят?» – опять подумала Кристина и быстро покончила с едой.

На третье был компот. И на удивление он был вкусным.

После обеда женщины так же вяло вставали из-за столов и относили грязную посуду к столам у буфета и, выставив миски на нержавейку, уходили в свои палаты. Кристина поступила точно так же.

Когда она покинула столовую и направилась к своей кровати, то сделав несколько шагов остановилась в полном недоумении. У палаты под номером шесть стоял стол, за которым в складных инвалидных креслах сидели худые и изможденные старухи. Некоторые были привязаны к креслам и их из ложечки кормили освободившиеся санитарки. Да. Это зрелище было не для слабонервных. Одна из старух ела сама. Покончив с пюре, она отодвинула тарелку и сложила руки на голых острых коленях.

– Светка, пей чай! – приказала санитарка, утиравшая рот маленькой шуплой старушонке, чей возраст определить было сложно.

Светка молчала.

– Говорю тебе, дрянь, пей чай! – повысила голос санитарка, толстая бабища лет сорока пяти.

– Я не пью, – отчетливо выговорила Светка, отталкивая руку другой санитарки, которая держала наполненную наполовину железную чашку. Компот расплескался по столу и полился на тонкие бледные ноги шизофренички. Санитарка замахнулась и хотела было ударить непокорную сумасшедшую, но заметив удивленный взгляд Кристины, быстро опустила руку.

– Хоть допей то что осталось, – настаивала санитарка.

– Я не пью, – повторила Светка и бессвязно пробурчала: – Я никуда не пойду. Не заставьте.

Кристина боязливо обогнула стол и подошла к своей кровати, но и лечь на нее во время еды умалишенных было страшно. Девушка направилась к дивану, но вдруг услышала громкий оклик:

– Эй, Лаврентьева! Тебе можно гулять только возле своей кровати. Дальше ни ногой! Усвоила?

Визгливая медсестра злобно смотрела на Кристину.

– А почему это? – вызывающе спросила девушка.

– Потому, – коротко ответила сестра и принялась выставлять на поднос пустую посуду со стола привязанных.

Лаврентьева обреченно села на кровати и невидящим взглядом уставилась в стену. Спустя несколько минут откуда-то сбоку раздался приятный чистый голос:

– Ты новенькая здесь? Не бойся. Скоро привыкнешь ко всему.

Девушка повернула голову на голос и увидела странную женщину. У незнакомки один глаз был нормальный, а второй, как показалось Кристине, стеклянный, неподвижный. Женщина была полновата, ее черные как смоль волосы были забраны красивым гребнем, а ноги... Стопы ног были как-то странно вывернуты внутрь. Незнакомка подковыляла к Кристине и без приглашения уселась рядом.

– Меня зовут Вера. А тебя?

– Кристина.

– Ты суицидница?

– Да.

– Ясно.

– Я очень хочу в туалет, – не к месту проговорила Лаврентьева. – Где тут туалет?

– Чуть дальше столовой, в том же коридоре, – охотно пояснила женщина и через короткую паузу добавила: – Но ты сейчас в него не попадешь.

– Почему? – удивилась девушка.

– Потому что во время обеда он закрыт. И будет закрыт еще какое-то время.

– Почему?

– Потому что после обеда раздают таблетки. И чтобы мы их не выплевывали, туалет закрывают на ключ.

– А что, были случаи?

– Не знаю, но здесь так принято, – ответила Вера и Кристина сразу же почувствовала, что женщина солгала.

– А чем запивать?

– Да водой, дурочка, – почти ласково ответила Вера и спросила: – У тебя бутылка с водой есть?

– Нету, – удрученно покачала головой Лаврентьева.

– Тогда я тебе помогу. Посиди здесь, – сказала новая знакомая и тяжело поднявшись и переваливаясь как утка, медленно заковыляла в сторону столовой.

«Будто у меня есть выбор», – подумала Кристина и опять уставилась в стену.

Через некоторое время Вера вернулась, неся в руке литровую бутылочку с водой.

– Вот. Держи!

Вера протянула бутылку Кристине, а та благодарно сказала:

– Спасибо большое.

– Да нет за что, – отмахнулась Вера и опять уселась рядом с Лаврентьевой.

– Так, что за дела? – услышали женщины уже изрядно надоевший Кристине визгливый голос. – Верка, марш в свою палату! Ты же знаешь, что на кроватях других больных сидеть категорически запрещено.

– Да-да, Анисимовна, простите. Уже иду, – с улыбкой отозвалась Вера, подмигнула живым глазом и тихонько пробормотала: – Вот же сука! Опасайся ее. Это редкостная тварь.

Кристина понимающе кивнула и посмотрела вслед больной Веры, которая так по-доброму отнеслась к ней и подумала: «Здесь, наверное, и нормальные женщины есть. Такие как я».

Глава 6.

В туалет уже хотелось так, что хоть криком кричи. Кристина сидела на кровати, плотно сжав колени. Сестры и санитарки завозили лежачих в палату и укладывали на кровати. Воспользовавшись моментом, Кристина встала и отправилась на поиски туалета. И на ее счастье он был открыт. Но длинная очередь к унитадам указывала на то, что ей еще какое-то время придется помучиться. Лаврентьева встала в очередь и обратила внимание, что на банкетке, как раз напротив входа в туалет сидит надзирательница, строго следя за действиями больных. Кристина ухмыльнулась и подумала, что эта толстая бесформенная бабища следит за тем, чтобы больные не утопились в унитазах.

Вот, наконец, подошла и ее очередь. Девушка брезгливо вошла в туалет, но сразу же успокоилась: здесь было чисто и испражнениями воняло не очень сильно. Она подошла к унитазу и села писать. Неожиданно перед Лаврентьевой предстала молодая полная девушка и безумными глазами уставилась на нее.

– Отойди! Чего смотришь? Мешаешь, – тихо, но строго сказала Кристина.

– Хочу и стою, – ответила наглая молодка и сложила руки на груди.

– Ну, ну... – отозвалась Лаврентьева и сделав свое дело, быстро покинула туалет.

А за это время сестры подготовились к раздаче лекарств. Две женщины, злющая худая и красавица-блондинка уже сидели за столом и листали журналы назначений. Спустя несколько минут блондинка начала громко выкрикивать фамилии пациенток:

– Земская!

К столу подошла интеллигентного вида женщина в очках. Она остановилась у стола, держа в руках бутылочку с водой. Блондинка побросала таблетки в маленький пластиковый стаканчик, а больная отправила их рот запив водой.

– Открой рот! Покажи! – Приказала худая и обнаружив, что таблетки благополучно проглочены, кивнула головой.

Женщина отошла от стола и побрела в палату.

– Верникова! – вновь громко выкрикнула блондинка. И действие повторилось.

Кристина, ожидая своей очереди на прием лекарств, быстро сообразила, как здесь устроена раздача таблеток: подходишь к столу, глотаешь их, запиваешь и показываешь пустой рот.

Когда очередь дошла и до нее, девушка безропотно приняла лекарства и продемонстрировала рот, высунув язык.

– Хорошо, – одобрительно сказала блондинка и выкрикнула следующую фамилию.

После раздачи лекарств в отделении наступила тишина. Больные разошлись по палатам и по коридору никто не сновал. У Кристины появилась возможность отдохнуть. За полдня было столько впечатлений, что стоило все обдумать. Мыслей почему-то не было, но появилось желание опять уснуть. Девушка закрыла глаза и задремала. Неожиданно в сестринской начался бурный спор между сестрами. Они разговаривали довольно громко, а потом начали смеяться во весь голос. Сквозь дрему Кристина подумала, что тихий час не для медперсонала, а для больных отделения и сестры могли бы ржать потише. И вот как теперь в таком гвалте уснуть? Да никак. Надо просто лежать тихо и делать вид, что спишь.

До половины пятого Лаврентьева ворочалась с боку на бок, пытаясь провалиться в спасительное забытие. А когда единственные часы в отделении показали именно это время, все вокруг вновь ожило. Психички начали выходить из палат и бесцельно бродить по коридору. Кто-то включил телевизор. Кто-то просто усаживался на диване и банкетках, пялясь в большой экран телевизора.

Довольно скоро всех позвали ужинать. На сей раз Кристина уселась за общим столом. И как же она ошибалась днем! Теперь многие женщины напоминали ей вялые и засохшие растения. Их глаза были пусты и безжизненны. Против Кристины сидела почти седая женщина лет сорока в зеленом халате. Волосы ненормальной были растрепаны, и бедолага пыталась есть рисовую кашу выпуклой стороной ложки. Она медленно подносила ложку ко рту и фактически «ела» воздух. Это бессмысленное действие произвело на Кристину удручающее впечатление. Сердце девушки сжалось от сострадания к незнакомке и это отразилось на ее побледневшем лице. Но Лаврентьева быстро подавила жалость и подумала о том, что она такой не будет никогда и ни за какие коврижки. Однако никто не обращал на женщину в зеленом никакого внимания. Сестры и санитарки были заняты раздачей еды, а пациентки своими тарелками. Некоторым больным подавали еду, принесенную родственниками и эти счастливицы поглощали свои йогурты, колбасы и фрукты, не обращая внимания на завистливые и просящие взгляды тех, кому не повезло в этой жизни иметь нормальных и заботливых родных.

Кристина заметила, что одна психичка незаметно прячет в карман халата хлеб, а другая туда же отправляет отвратительную котлету. Этот шедевр кулинарного искусства даже трудно было назвать котлетой, потому что мяса в нем почти не было. Но тем не менее, оголодавшая Кристина заталкивала еду в рот и пыталась разжевать безвкусную котлету и вязкую рисовую кашу, сдобренную кусочком масла. Еда проваливалось в желудок с большим трудом и когда подали чай, девушка облегченно вздохнула: «Наконец-то все это можно запить. Не будет так противно есть этот, с позволения сказать, ужин».

Вот и конец ужина. Потом была раздача лекарств. Кристина слегка удивилась тому, что все в отделении: безвкусная и отвратительная еда, раздача таблеток и открывающийся по часам туалет, вялые и безразличные ко всему женщины, их тусклые глаза и тихие беседы ни о чем, крики медсестер и их грубость быстро стали чем-то нормальным, привычным и обыденным. Но к тому, что случилось ночью, Лаврентьева оказалась совершенно не готова.

Глава 7.

В восемь часов вечера сменились сестры и санитарки, которые принимали Лаврентьеву. А еще где-то минут через сорок, новая сестра, стриженная брюнетка с выразительными карими глазами, начала приглашать больных в процедурный кабинет на уколы. Дежурная медсестра, высокая, полная, с надменным лицом и ироничной улыбкой на пухлых губах, вторила ей, крича прокуреным голосом во все горло. Вызвали в процедурную и Кристину.

– Ложись на живот! – приказала брюнетка, набирая какое-то лекарство в одноразовый шприц.

– А можно я постою? – робко спросила девушка.

– Нет, – строго ответила сестра и пояснила: – Укол может быть болезненным. Так что лучше тебе прилечь.

Кристина спустила трусики и улеглась на кушетку. Укол и на самом деле оказался болючим.

– А теперь иди и ложись на свою кровать.

– Ладно, – покоровшись судьбе, ответила девушка.

Растирая зад, Кристина приблизилась к кровати, скинула халат и легла. Первый, такой тяжелый день в психушке, слава тебе господи, закончился.

В десять в палатах, но не в коридоре, где по-прежнему лежала Лаврентьева, выключили верхний свет. Но вместо яркого верхнего света в палатах загорелись ночные светильники. Надзирающая за шестой палатой санитарка, закрыла вход в палату столом, за которым в обед ели тяжелые больные. Она уселась за стол и уткнулась в мобильный телефон.

Круглые часы, висящие над первым постом, показывали одиннадцать, когда Кристина сквозь сон услышала какие-то странные звуки, доносившиеся из шестой палаты. Это были слабые и тонкие то ли стоны, то ли крики. Кристине захотелось спрятаться от этих монотонных однообразных звуков, и она укрылась одеялом с головой. Но волна звуков, начавшихся очень тихо, постепенно все нарастала и нарастала. Кристина уже отчетливо слышала модуляции от «Ну-ну-ну» до «Ню-ню-ню». Это однообразное дребезжание какой-то ненормальной старухи выводило девушку из себя. Спустя полчаса она не выдержала и отбросив одеяло, обратилась к надзирательнице, которая по-прежнему совершенно спокойно копалась в своем мобильном:

– Слушайте, а нельзя ли успокоить больную, которая постоянно бубнит?

– Спи и не обращай внимания, – равнодушно ответила санитарка, скользнув взглядом по встревоженному лицу Кристины.

– Меня же, кажется, привезли сюда лечиться, а не сойти с ума. Мне этот бубнеж мешает спать.

Санитарка равнодушно отвела взгляд и снова начала что-то читать с экрана мобильного.

Кристина поняла, что просить о чем-то надзирательницу бесполезно и решила завтра пожаловаться врачу на неподобающее поведение этой безжалостной тетки.

Какое-то время было тихо, но потом монотонные звуки начали звучать с новой силой и что самое неприятное, к бубнящей на одной ноте старухе-психичке присоединилась еще одна, которая устроила концерт из похабных песен. Новая ненормальная пела громко и звонко, а ее матерщина резала слух. И при всем при этом надзирательница ничего не предпринимала, как ничего не делали и дежурные сестры, болтающие о чем-то в своем кабинете.

И тут Кристину озарило: этот ночной концерт был устроен специально для нее! Медперсонал намеренно устроил эту вакханалию, чтобы запугать ее, деморализовать и вывести из равновесия, и при этом понаблюдать, как она будет вести себя! И это открытие поразило Кристину до глубины души. Это просто какое-то садистское испытание! Ей хотят показать, что суицид – это еще не самое страшное, что могло произойти с ней. Но она хочет покоя! Она хочет тишины! Это издевательство! И едва выдержав еще сорок минут страшной пытки, Кристина закричала:

– Успокойте их! Прекратите это издевательство! Я больше не могу этого выносить! Помогите! Ну кто-нибудь, помогите!

На крик девушки выбежали сестры и со своего места поднялась надзирательница. Сестра с прокуренным голосом, обратившись к надзирательнице, приказала:

– Держи ее, а ты за уколом.

– Нет! Не надо уколов! – закричала Кристина, пытаясь вырваться из цепких рук надзирательницы. Но силы были не равны. Девушка почувствовала вонзившуюся в нее иглу и затихла. Все кончилось. Вокруг все исчезло. Ни страха, ни нестерпимой тоски, растекающейся от макушки до кончиков пальцев ног, ни монотонного «Ну-ну-ну». Ничего.

А утром Лаврентьеву перевели в шестую палату.

Глава 8.

Кристина медленно повернула голову к окну, у которого стояла ее кровать. Из окна сквозило, а до батареи нельзя было дотронуться, такой горячей она была. На улице было темно, как у негра в заднице. Только круглый светильник, висевший над пустым проемом двери тускло бил в глаза и освещал кровати с неподвижно лежавшими больными. В помещении висел неприятный запах затхлости, исходящий от старух-шизофреничек, которые по рукам, ногам и груди были привязаны к своим кроватям. А еще всюду воняло грязными памперсами. Слабой рукой девушка зажала нос и попыталась дышать через рот. Но отвратительный смрад все равно проникал в легкие. Кристина закашлялась и тут услышала голос надзирательницы.

– Лаврентьева, тебе надо сдать мочу. Идем, я провожу тебя в туалет. А потом не пей и ничего не ешь. Тебе надо сдать анализ крови.

Кристина попыталась подняться, но почувствовала невероятную слабость и сильное головокружение. Санитарка подхватила девушку за локоть, бесцеремонно сдернула с постели и вывела из палаты. Едва сдерживая дрожь в ногах, Кристина добрела до туалета. Там надзирательница подала Лаврентьевой пластиковую баночку и приказала:

– Писай сюда.

Девушка молча исполнила приказание надзирательницы и тут увидела, как другая санитарка вкатил в туалет инвалидное кресло со старухой с налысо обритой головой, которая лежала в палате Кристины ближе к выходу. Ненормальная больше походила на древнего старика, чем на женщину. В голове Кристины словно молния промелькнула какая-то мысль, но тут же исчезла. А санитарка пересадил старуху из кресла на унитаз, предварительно стянув с нее грязный и вонючий памперс и злобно гаркнула:

– Тужься! Тужься, сука! Ты должна посрать!

Что было дальше с бедной старухой Кристина не видела. Она вышла из туалета держась за стену, покрытую новым кафелем и в сопровождении надзирательницы вернулась в палату. Кристина улеглась на кровать и уставилась в пустоту. Все это время санитарки вывозили лежащих в туалет, а потом возвращали их обратно. Спустя полчаса в палатах включился верхний свет. Это означало, что в психушке начался новый день.

Кристина плохо помнила, что происходило с ней не только в этот день, но и в последующие. Она была какой-то слабой, вялой, апатичной и инертной. Постоянно хотелось спать и совершенно не хотелось о чем-то думать. Иногда Кристина осознавала, что ей трудно говорить и она начала забывать даже самые простые слова. Она почему-то совершенно не волновалась о произошедшей в ней перемене. Ей все было безразлично: и запахи в палате, и старуха постоянно бубнящая: «Ну-ну-ну»; и дама в зеленом, оказавшаяся пикетчицей и оппозиционеркой, которая постоянно стонала; и матерщинница с ее похабными песнями; и даже то, что ее саму никто не навещает. Больничная еда уже казалась вполне приличной, и она съедала все, что подавали. Девушка привыкла к очередям к унитазу и биде, и к тому, что ее выпускали из палаты только на прием пищи и таблеток, да в туалет и по каким-то дням в душ под надзором санитарки. Гулять можно было только в палате, вышагивая взад и вперед по узкому проходу между кроватями.

Единственным развлечением Кристины было как ни странно окно. Когда на улице становилось светло и при ясной погоде, ей хорошо была видна крыша соседнего корпуса больницы. Ровная крыша была уставлена телевизионными антеннами и антеннами сотовой связи. Чуть правее возвышалась крыша чердака, которую заселила пара голубей. Их деловитая возня была бесконечной, как и парение серых зимних облаков над ними. Иногда парочка куда-то улетала, но потом возвращалась назад. Иногда голуби усаживались на какую-нибудь антенну и долго о чем-то ворковали. Иногда улетал только самец, и самочка терпеливо дожидалась его, сидя

на одном месте, будто боялась, что когда он прилетит, то, не застав ее на месте, найдет себе другую подружку.

Когда погода портилась и эту идиллическую картинку скрывал густой туман или падающий снег, Кристине почему-то становилось грустно. Ей хотелось наблюдать за верностью и любовью этих странных птиц. Наверное, думала порой Кристина, что у этих пернатых было то, чего не было у нее самой: любви, верности и терпеливого ожидания. Хотя нет. Она каждый день терпеливо ждала Влада. Она не понимала, почему муж не навещает ее. Хотя кто-то же принес ей мыло, зубную пасту и полотенце. Возможно это была мама или отец. Но чего гадать? Она брошена всеми здесь, в этом страшном месте и никто не обнимет ее, не пожалеет и не скажет ласковых и нежных слов, или слов поддержки.

В один из дней, Кристину вместе с еще несколькими женщинами вызвали на осмотр гинеколога. Сборы оказались долгими и не очень простыми. Сначала сестры вывели больных из палат и оставили в угловом коридоре дожидаться сестру-хозяйку. Спустя какое-то время появилась веселая и улыбающаяся женщина пенсионного возраста. Она принялась доставать из пристенных шкафов теплые колготки, свитера и вязаные шапочки. Потом все начали примерять ботинки и дутые сапоги и, наконец, дело дошло и до отвратительных черных и синих теплых бушлатов с капюшонами.

– Так, девочки, застегиваемся, одеваем шапочки. На улице мороз. Вам болеть ни к чему, – затараторила сестра-хозяйка.

– Мы и так больные, – вставила какая-то пациентка.

Женщины кисло заулыбались. В это время к группе больных присоединилась симпатичная молодая санитарка с красивыми чуть навывкате зелеными глазами, искусно подведенными черным карандашом. Стройная фигурка выдавала в ней бывшую спортсменку. Санитарка была одета в яркую модную куртку и теплые брюки, а под мышкой держала файлы с документами.

– Все готовы? Тогда, девочки, за мной, – обратилась она к женщинам и открыла ключом входную дверь. Все вышли в комнату для свиданий. Санитарка отперла дверь на лестницу и строго предупредила:

– Держитесь за перила. Спускайтесь не торопясь, поняли?

Все закивали головами и потянулись вниз по узкой лестнице к выходу из здания. Санитарка вновь повторила свой маневр с ключами и женщины оказались на крыльце.

– Видите вон то двухэтажное здание? – санитарка указала рукой на красное кирпичное строение. – Нам туда, – а потом еще раз повторила: – Спускайтесь аккуратно. Не торопитесь.

Выйдя на улицу, Лаврентьева с жадностью втянула в себя свежий морозный воздух. Голова закружилась как ненормальная и девушка пошатнулась. Сопровождающая вовремя подхватила ее под руку и медленно свела с лестницы. Другие женщины справились с этой задачей лучше и когда все собрались на узкой дорожке, расчищенной от снега и посыпанной песком, то медленно направились к нужному строению. Молоденькая санитарка, ведущая Кристину, зорко следила за больными, не выпуская никого из поля зрения. Но женщины примерно шагали к гинекологу, не проявляя ни малейшего желания сбежать от бдительной охранницы. Когда Кристина впервые увидела эту девушку, то сразу обратила внимание на ее взгляд. Глаза санитарки излучали сочувствие и понимание, и еще какую-то затаенную боль. А такой взгляд среди медперсонала отделения был большой редкостью.

– Как тебя зовут? – осмелилась задать вопрос санитарке Лаврентьева, когда они пошли вслед за больными.

– Жанна, – просто ответила девушка, ускоряя шаг, чтобы нагнать немного ушедших вперед женщин.

– А сколько я в больнице?

– Уже десять дней.

– Так долго? А мне казалось, что я здесь всего несколько дней, – удивилась Кристина.

– Так бывает.

– А откуда у меня появились туалетная бумага, зубная паста, прокладки?

– Муж твой приходил и все принес. Я ему список нужных тебе вещей продиктовала, когда он позвонил в отделение, чтобы справиться о твоём состоянии.

– Спасибо тебе, – поблагодарила санитарку Лаврентьева и приостановилась. – Так он все же приходил.

– Да, – кивнула Жанна и легонько подтолкнула Кристину вперед. – Идем, не будем отставать от других.

– А почему меня не позвали на свидание? Ведь всех зовут. И к телефону тоже, – в голосе Кристины прозвучала обида.

– Ирина Федоровна пока не разрешает тебя навещать, – нехотя признала Жанна.

– Но почему?

– Рано еще. Ты пока не готова к встрече с ним.

– Неправда! Я готова, – запротестовала Кристина.

– Не волнуйся, милая. Идем.

Лаврентьева поправила на голове вязаную шапочку, засунула руки в карманы старого черного бушлата и потопала по дорожке. Идти было сложно. Толстые подошвы безобразных ботинок без шнурков, выданные ей при выходе сестрой-хозяйкой, скользили на пятках льда. Да и по размеру они совсем не подходили и постоянно сваливались с ног, потому что были на три размера больше той обуви, которую носила девушка. Но все эти мелкие неудобства сейчас были совершенно не важны, а важным было то, что она наконец-то оказалась на улице и может насладиться свежим зимним воздухом и краешком глаза взглянуть на жизнь, бурлящую за высоким железным забором больницы.

Спустя минут десять женщины остановились у здания поликлиники.

– Смотрите под ноги. На крыльце тоже может быть скользко, – предупредила Жанна и мотнула головой в сторону нужной им двери: – Нам сюда, девочки. Проходите.

Жанна пропустила больных вперед и вошла в здание вслед за ними. Кристина отметила, что двери здесь не запираются и чисто так же, как и в отделении. Женщины прошли по коридору к кабинету гинеколога и остановились у ряда деревянных кресел. Проходя мимо туалета, Кристина поинтересовалась у санитарки:

– Можно я схожу в туалет?

– Нельзя, – строго отрезала санитарка. – Этот туалет только для врачей и медперсонала.

– Понятно, – протянула Кристина и подумала о том, что вот и здесь разделили людей на врачей и на больных. И сколько она еще будет числиться больной?

Тут неожиданно в разговор девушек встряла одна из пациенток отделения, на лице которой было ясно написано, что она алкоголичка со стажем:

– Что, больные срут по-другому или наше говно более низкого качества?

Женщины громко рассмеялись и принялись стаскивать с себя тяжелые бушлаты. А Жанна, проигнорировав грубость алкоголички, постучала в дверь гинекологического кабинета. Из него вышла медсестра и спросила:

– Вы из восьмого?

– Да.

– Хорошо. Вы немного задержались. Пусть первая заходит.

Осмотр гинеколога прошел быстро и без проблем. Когда женщины возвращались в отделение, Кристина умоляюще посмотрела на санитарку:

– Жанна, пойдем помедленнее. Мне хочется подышать свежим воздухом. Я думаю, что и другим тоже. Сегодня на улице так красиво. Когда мы еще выйдем во двор... на свободу...

– Ладно. Торопиться не будем, тем более, что сегодня мое дежурство у туалета, – горько улыбнулась санитарка и пошла медленнее. А Кристина, оглядываясь по сторонам, наслажда-

лась чистым воздухом. Она дышала глубоко и ровно, словно старалась очистить легкие от болезненного смрада. Ее радовало зимнее солнце и деревья, одетые в шапочки из белого чистого снега. И за забором больницы ходили нормальные люди и ездили автобусы полные пассажиров. Там по-прежнему кипела жизнь, и пока для нее, Кристины, там места не было.

Глава 9.

В полдень этого же дня, Лаврентьеву ожидал неожиданный сюрприз.

В палату заглянула дежурная медсестра Ксения Александровна, которая нравилась Кристине за тихий голос и манеры аристократки. На смене Александровны в отделении всегда было спокойно и обходилось без каких-либо эксцессов.

– Кристина, к тебе пришли, – доброжелательно произнесла Александровна.

– Кто? – встрепенулась девушка.

– Идем, увидишь.

Ксения Александровна неторопливо подвела Кристину к комнате свиданий и открыла ключом дверь. Девушка вошла и остолбенела. На скамье сидел Влад. Щеки Лаврентьева были красными от мороза, но взгляд был каким-то бегающим, что выдавало его озабоченность и даже тревогу.

– Привет, – Лаврентьев поднялся и сделал шаг навстречу жене.

– Владик, это ты? – прошептала Кристина и ее глаза наполнились слезами. Она бросилась мужу на грудь, все еще не веря в то, что он, наконец, пришел к ней.

– Тише, тише, не плачь, – мягко произнес Лаврентьев и осторожно погладил жену по спине. Потом отстранился и спросил: – Ну как ты тут?

– Нормально, – пробормотала девушка, пристально всматриваясь в красивое лицо любимого.

– Это хорошо.

– Только немного торможу со словами, но ты не обращай на это внимания. Это от лекарств.

– Ладно.

Лаврентьевы уселись за стол, и Влад достал из рюкзака контейнер с чем-то съестным.

– Что это? – спросила Кристина, протягивая руки к коробке.

– Мама твоя приготовила жаркое так, как ты любишь. А еще утку по-пекински, – охотно пояснил Влад и улыбнулся той очаровательной улыбкой, которая так нравилась Кристине.

– Класс! Я давно не ела... ну как его... домашнего. А ложка есть? Вилками здесь пользоваться нельзя.

– Я в курсе, а ложку я предусмотрительно прихватил, – опять улыбнулся Влад и помог Кристине открыть контейнер. – Еще Галина Михайловна передала тебе кое-то из одежды: трусики, майки... ну и другое. Блокнот, ручку, пару кроссвордов, чтобы ты не скучала здесь. Санитарка пакет уже проверила...

– Спасибо, – с полным ртом проговорила Кристина. – Ух, какая вкуснота! А запах просто отпад! Здешняя еда вообще ничем не пахнет, и ты, Владик, даже не можешь себе представить, как здесь отвратительно кормят.

– Ну это же больница, а не дорогой ресторан, – мрачно высказался Лаврентьев.

– А как мама? – поинтересовалась Кристина, ненадолго оторвавшись от еды.

– Здорова. У нее все в порядке.

– А отец?

– Юрий Игоревич в столице, – доложил Лаврентьев. – Присматривает там квартиру. Его же повысили. Теперь он большой человек. Министр.

– Он доволен?

– Да. Очень.

– А про меня говорил что-нибудь?

– Нет. Он же очень занят сейчас.

– Понимаю, – кивнула Кристина.

Пока жена с большим аппетитом торопливо уплетала домашнюю еду, Влад молча наблюдал за ней. Его взгляд был сухим и даже равнодушным. Когда с жарким было покончено, Кристина прислонилась к мужу, склонила голову на его плечо и умиротворенно притихла. Какое-то время они сидели молча, а потом Влад тихо и осторожно обратился к жене:

– Крис, тут вот какое дело...

– Что? – сразу насторожилась девушка и состояние блаженного покоя, в котором она пребывала еще секунду назад, мгновенно улетучилось.

– Я сегодня встречался с твоим лечащим врачом. Ирина Федоровна говорит, что ты не хочешь с ней общаться, да и с другими врачами тоже, – внушительно заговорил Лаврентьев. – Я прошу тебя, начинай разговаривать с ней и с психологом. Они помогут справиться с болезнью, и тебе, несомненно, станет лучше. Твоя мама тоже в этом уверена.

– Но я абсолютно... здорова, – сердито возразила Кристина. – И чем... чем врачи могут помочь мне? Я в их помощи не нуждаюсь! Понял?

Лаврентьева выпрямила спину и возмущенно отодвинула в центр стола почти пустой контейнер. В эту минуту она мысленно попыталась подобрать нужные и верные слова, чтобы доказать мужу, что она абсолютно адекватна, что лечение уже пошло ей на пользу и что она чувствует себя гораздо лучше. Кристине страстно хотелось ответить мужу так, чтобы тот понял, что она вовсе не шизофреничка, а вполне нормальная женщина. Какие можно привести доказательства того, что она оказалась в психушке по чистой случайности и опасности ни для себя, ни для других не представляет? Ну был нервный срыв, ну и что? У кого не бывает? И как убедить мужа сейчас же забрать ее отсюда и больше никогда не вспоминать о прошлом? Но почему-то ничего путного в голову не приходило, а только в животе, где-то в районе солнечного сплетения начало зарождаться волнение, грозившее перерасти в настоящую панику.

– Я-то понял, только врач настаивает, – вяло отозвался Лаврентьев, и чтобы скрыть свое замешательство, закрыл контейнер крышкой и засунул его в рюкзак. – Ты только это... не волнуйся. Мы...

– Ладно, – резко перебила мужа Кристина, потом с досадой поморщилась и торопливо проговорила: – Черт с тобой. Если ты так хочешь, я буду с ними разговаривать. Только пусть отцепятся от меня.

– Вот и хорошо, – облегченно выдохнул Лаврентьев, с тревогой наблюдавший за перепадами в настроении жены.

– Я нормально разговариваю? – вдруг озаботилась Кристина. – Я все слова произношу правильно? А то мне кажется, что...

– Нет-нет, все нормально, – успокоил жену Лаврентьев и после короткой паузы произнес: – Кристина...

– Что? – напряженно спросила девушка и немного отодвинулась от мужа. Она уперлась взглядом в побледневшее лицо Влада и застыла в ожидании чего-то очень неприятного.

– Кристина, – повторил Лаврентьев и собравшись с духом, выпалил: – Я больше не приду к тебе. Я подаю на развод.

– Как? Почему? – взвилась Кристина. Ее широко раскрытые глаза мгновенно наполнились ужасом. Лаврентьева вцепилась руками в куртку мужа и с мольбой в голосе прошептала: – Не бросай меня сейчас, прошу... Ты не можешь сейчас оставить меня. Прошу, Владик... Я люблю тебя, и ты не можешь так поступить со мной. Я совсем пропаду тут без тебя... Забери меня домой... Все наладится...

– Собственно, я уже отнес заявление в суд, – твердо сказал Влад, отводя взгляд в сторону.

– П-почему? – едва выдавила из себя девушка.

– Сама знаешь почему, – сухо отозвался Лаврентьев. – Ты хотела убить себя, чуть не убила родителей. Я не могу жить с...

– Ты хочешь сказать с шизофреничкой и убийцей? – с трудом овладев собой, ехидно спросила Кристина и громко рассмеялась. – Вот так номер!

– Ну да... как-то так... – с расстановкой ответил Лаврентьев и виновато добавил: – Мне очень жаль.

– Да ни хрена тебе не жаль! – вскричала Кристина и вскочила со скамьи. Встал и Лаврентьев. Кристина замахнулась рукой, чтобы отвесить мужу пощёчину, но он перехватил ее руку. – Ты предал меня в трудную минуту! – еще громче заорала она. – Ты всегда предавал меня! С самого первого дня нашего брака! Будь ты проклят! – В невероятном смятении Лаврентьева вырвала свою руку и взвизгнула: – Убирайся, тварь! И больше никогда не приходи сюда! Я согласна на этот чертов развод!

На вопли Лаврентьевой прибежала Ксения Александровна и бросила недовольный взгляд в сторону Жанны, которая настороженно сидела на банкетке напротив туалета, но в разборки супругов не вмешивалась.

– Что здесь происходит? Почему не позвала меня сразу? – торопливо поинтересовалась Александровна.

– Там сначала все было тихо, а потом она вдруг начала кричать, – принялась оправдываться санитарка, поднимаясь с места.

– Давай отведем ее в палату и больше никаких посещений! Я обо всем доложу Ирине Федоровне и заведующей.

Александровна быстро выпроводила Лаврентьева из отделения и вывела упирающуюся Кристину из комнаты свиданий. Призвав Жанну на помощь, сестра потащила Кристину в палату, которая уже билась в истерике и плелась, едва переставляя ноги. Притихшие больные, находящиеся в коридоре, равнодушно наблюдали за этой сценой. Хотя некоторые женщины сочувственно покачивали головами, правда, не понимая до конца сути происходящего.

А после сделанного ей укола, Лаврентьева быстро успокоилась и вновь погрузилась в долгий ватный сон.

Глава 10.

Дни сменялись днями, но каждый новый день привносил что-то новое. Вернее, новых пациенток, потому что в режиме, установленном в отделении ничего не менялось. Кого-то сразу укладывали в шестую палату на освободившиеся места, кто-то проходил свой ад, лежа в коридоре.

Постепенно Кристина начала замечать, что слабость и апатия постепенно уходят и она чувствует себя бодрее, да и настроение заметно улучшилось. Она уже могла выходить в туалет без сопровождения и гулять по коридору. Выходя на эти прогулки, Лаврентьева охотно знакомилась с пациентками отделения, иногда даже выслушивала рассказы об их жизни и сочувственно кивала головой. Эти истории были весьма занимательны, но их нельзя было назвать счастливыми. Кристина понимала, что шизофренички много врут, а их болезненные фантазии всякий раз обрастают все новыми и новыми подробностями. Это было даже забавно, но иногда новые факты из жизни психичек вызывали у Кристины раздражение, а порой и отвращение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.